

21. Mr. Choate to Lord Salisbury // Treaties, Conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other powers, 1776-1909: In 2 vol.– Washington: Government Printing Office, 1910. – Vol. 1. – P. 249-251
22. Mr. Hay to Mr. Tower, 6 September 1899 // Treaties, Conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other powers, 1776-1909: In 2 vol.– Washington: Government Printing Office, 1910. – Vol. 1. – P. 256-258
23. New-York tribune. (New York, N.Y.). – 31 Dec. 1899. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83030214/1899-12-31/ed-1/seq-1/>
24. Thayer W.R. Life and Letters of John Hay: Vol. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1915. – 492 p.
25. The Indianapolis journal. (Indianapolis, Ind.). – 31 Dec. 1899. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn82015679/1899-12-31/ed-1/seq-1/#date1=09%2F06%2F1789&sort=relevance&date2=&searchType=advanced&language=&sequence=0&index=11&words=China+door+Door+open+Open+Open-Door+Policy+policy&proxdistance=5&state=&rows=20&ortext=&proxtext=Open+Door+Policy+in+China&phrasetxt=&andtext=&dateFilterType=range&page=9>
26. Treaty as to Commercial Intercourse and Judicial Procedure, 17 November 1880 // Treaties, Conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other powers, 1776-1909: In 2 vol.– Washington: Government Printing Office, 1910. – Vol. 1. – P. 239-241
27. The times. (Richmond, Va.). – 31 Dec. 1899. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn85034438/1899-12-31/ed-1/seq-1/#date1=09%2F06%2F1789&index=5&date2=&searchType=advanced&language=&sequence=0&words=CHINA+DOOR+OPEN+POLICY&proxdistance=5&state=&rows=20&ortext=&proxtext=Open+Door+Policy+in+China&phrasetxt=&andtext=&dateFilterType=range&page=1>
28. Virginian-pilot. (Norfolk, Va.). – 31 Dec. 1899. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn86071779/1899-12-31/ed-1/seq-1/#date1=09%2F06%2F1789&sort=relevance&date2=&searchType=advanced&language=&sequence=0&index=6&words=China+door+open+policy&proxdistance=5&state=&rows=20&ortext=&proxtext=Open+Door+Policy+in+China&phrasetxt=&andtext=&dateFilterType=range&page=13>
29. Williams W. A. The Shaping of American Diplomacy: Readings and Documents in American Foreign Relations. In 2 vol. – Chicago: Rand McNally, 1956. – Vol. 1. (1750-1900). – 448 p.

УДК 329.12(=161.1)(476)«1908/1915»

Дмитрий Лавринович

НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛОРУСОВ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ «БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА» (1908 – 1915 гг.)

Статья посвящена одному из направлений в «западнорусизме», идеологичній доктрині, що заперечувала існування білоруського народу як самостійного етносу, яка розглядала білорусів у якості частини єдиного великого руського народу, прирівнюючи білоруську мову до руської.

Ключові слова: Біларусь, західнорусизм, лібералізм, консерватизм, «Белорусское общество», православ'я, католицизм, польське питання.

Статья посвящена одному из направлений в «западнорусизме», идеологической доктрины отрицавшей существование белорусского народа как самостоятельного этноса, рассматривавшей белорусов в качестве части единого большого русского народа, приравнивавшей белорусский язык к наречию русского. В центре внимания автора оказалось «Белорусское общество». В статье освещаются основные черты национальной и политической платформы данной организации: оригинальная концепция истории Беларуси, оценка и характеристика состояния белорусского языка в начале прошлого века, отношение к этноконфессиональным проблемам, народному просвещению. В сфере социально-политических и экономических отношений политическое лицо «Белорусского общества» определяло сочетание идей консервативного монархизма и либерализма.

Ключевые слова: Беларусь, западнорусизм, либерализм, консерватизм, «Белорусское общество», православие, католицизм, польский вопрос.

The article is devoted to one of the directions in "zapadnorussism" – ideological doctrine denying existence of the Belarusian people as an independent ethnic group, regarding the Belarusians as a part of great Russian people and considering the Belarusian language to be a dialect of the Russian language. The author focuses on the "Belarussian Society". The article deals with the main features of the national and political platform of this organization: the original concept of the history of Belarus, estimation and description of the status of the Belarusian language in the early 20th century, attitude towards ethnic and religious issues, public education. In socio-political and economic relations the political essence of the "Belarussian Society" determined the combination of ideas of conservative monarchism and liberalism.

Keywords: Belarus, Western russism, liberalism, conservatism, "Belarusian society", Orthodoxy, Catholicism, the Polish question.

В общественно-политической жизни Беларуси начала XX в. важную роль играли организации, стоявшие на позициях западноруссизма, идеологической доктрины, отрицавшей существование белорусского народа как самостоятельного этноса, рассматривавшей белорусов в качестве части единого большого русского народа, приравнивавшей белорусский язык к наречию русского. Разделяя общие положения данной доктрины, каждая организация, в то же время, имела собственные подходы к определению прошлого, современности и будущей судьбы белорусского народа. Часть западнорусов разделяла общеполитические установки крайне правых и умеренно-правых партий (Союза русского народа, Всероссийского национального союза и других), другие занимали позиции близкие партиям либеральным и либерально-консервативным (Конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября»).

Наиболее деятельной организацией в рамках либерального направления западноруссизма было «Белорусское общество», устав которого виленский губернатор утвердил 8 ноября 1908 г. Основными целями организации значились: поднятие культурного и экономического уровня развития белорусов, формирование их национального самосознания «на началах русской государственности», установление справедливых и равных отношений между народами, проживавшими на территории Северо-Западного края Российской империи [1, с. 1 – 2]. Для достижения своих целей «Белорусское общество» получило право издавать газеты, книги, журналы, открывать библиотеки, читальни и учебные заведения, устраивать публичные лекции, спектакли, вечера, основывать свои отделы в других населенных пунктах, организовывать различные виды взаимопомощи. В члены общества принимали всех белорусов без различия звания, пола и вероисповедания, а также великорусов и украинцев. Членский взнос определялся в 3 руб. в год [1, с. 3 – 4].

Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Л.М. Солоневич, его заместителем – П.В. Коронкевич, секретарем – П.И. Кореневский. Все трое на тот момент работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно.

Наиболее значительной фигурой в руководстве «Белорусского общества» был Лукьян Михайлович Солоневич (1866 – 1938). Он родился в крестьянской семье православного вероисповедания в деревне Новоселки Гродненской губернии. После окончания Свислочской учительской семинарии работал учителем в Цехановецком народном училище Бельского уезда, в Кабанском и Байковском народных училищах Пружанского уезда. В марте 1899 г. Л.М. Солоневич переходит на государственную службу, будучи назначен на должность бухгалтера Гродненской губернской комиссии народного продовольствия. Помимо основной работы он писал статьи в «Гродненских губернских ведомостях» (позднее стал редактором этой газеты), а в 1901 г. было опубликовано его крупное исследование по истории Гродненской губернии [2; 3, л.1, 2]. В период управления губернией П.А. Столыпина его карьера пошла вверх. В 1902 г. Солоневич исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета, в 1903 г. был зачислен в штат губернского правления, а в 1904 г. назначен временным исполняющим обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия [3, л. 2, 3]. В 1907 г. Л.М. Солоневич переезжает в Вильно, где становится одним из лидеров белорусского движения.

21 декабря 1908 г. была утверждена политическая платформа «Белорусского общества», опубликованная 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич, издателем – чиновник контроля Полесских железных дорог А.С. Кудерский. Первоначальный тираж газеты составил 6 тыс. экземпляров, которые предназначались в основном для народных учителей и волостных писарей в расчете на то, что они будут распространять идеи редакции среди простых крестьян.

Платформа «Белорусского общества» основывалась на утверждении, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. В одной из передовых статей «Белорусской жизни» редакция следующим образом определяла свое отношение к белорусам: «Поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание, расшевелить его дремлющие умственные силы, вдохнуть в него веру в себя, в свое право на первородство, указать ему пути для выхода из того тяжелого экономического положения, в которое он поставлен исключительными историческими и этнографическими условиями края...» [4, с. 2].

У «Белорусского общества» была разработана собственная концепция истории Беларуси, которая, по сути, являлась фундаментом его политической программы. В древнерусский период, по мнению авторов передовой статьи «К белорусской интеллигенции», помещенной в первом номере «Белорусской жизни», белорусы подобно другим славянским племенам развивались самостоятельно и независимо [5, с. 1]. В XIII в. западнорусские земли были включены в состав Великого княжества Литовского. Однако поскольку древнерусское население превосходило литовцев не только численностью, но и культурой, оно сохранило полную свободу вероисповедания и традиции общественной жизни, древнерусский же язык (старобелорусский) стал государственным языком ВКЛ. «Это был лучший и наиболее светлый период в истории нашего народа», – писала «Белорусская жизнь» [5, с. 1].

Крайне негативно оценивалась Кривская уния 1385 г. Польша рассматривалась как государство враждебное восточным славянам, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения ВКЛ. «Особенности общественно-политического строя польского государства – латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинства вельмож – были чужды русскому человеку, тогда еще не знавшему ни крепостничества, ни шляхетства, ни бесправия, в котором находились низшие классы общества в Польше», – считал Л.М. Солоневич [2, с. 8]. Он отказывал польской культуре в почвенности, рассматривая ее в качестве калки феодального строя соседних западноевропейских государств. «...Усвоив верхушки европейской

цивилизации поляки не сумели пойти дальше... согласить усвоенного с теми славянскими началами, которые выработаны были собственным народом», – писал Солоневич [2, с. 10]. По его мнению, князья ВКЛ приняв католицизм, усваивали польскую культуру и язык. Их примеру последовало и дворянство, постепенно терявшее связь с народом, и более того, становящееся во враждебное отношение ко всему русскому, православному. Кроме того, по мнению редакторов «Белорусской жизни», после унии на территории Беларуси появились и собственно польские помещицы «олигархия». «Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей и эти слои... оказались навсегда отрезанными от своего народа», – сообщалось в статье «К белорусской интеллигенции» [5, с. 1]. Согласно точке зрения ее авторов, белорусы лишились своей социальной верхушки, сделавшись сугубо крестьянским народом.

Лидеры «Белорусского общества» весьма мрачными красками рисовали жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображали их забытыми и угнетаемыми, с одной стороны, шляхтой, с другой, – евреями-предпринимателями. «Буйное и своевольное шляхетство в союзе с еврейской народностью, задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования Польши [Речи Посполитой. – Д.Л.] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни...», – утверждал Л.М. Солоневич [2, с. 14]. Очень резко он отзывался и о Брестской церковной унии 1595 г., оценивая униатскую церковь в качестве переходного звена от православия к католицизму. Последний же рассматривался как главный инструмент ополячивания белорусов. «Польская культура и польское национальное самосознание могло двигаться только за католицизмом. Вне католичества, в обход католичества не было путей для полонизации», – считал Солоневич [6, с. 28].

По мнению идеологов «Белорусского общества», не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т. к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Л.М. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились. В частности, он писал: «...русское законодательство никогда не создавало для крепостных великорусских губерний такого положения, какое создано было для крепостных западной окраины литовским статутом, польским законодательством и шляхетскими привилегиями» [2, с. 58]. К полонизации добавилась политика обрусительства, которую, по мысли редакторов «Белорусской жизни», проводили русские чиновники и дворяне, направлявшиеся царским правительством в западные губернии защищать «русское дело». «Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть и править делами на прежних основаниях», – утверждалось в передовой статье «Белорусской жизни» [5, с. 1]. Ее редакторы резко критиковали крепостничество.

Постепенное изменение политики царского правительства к бывшим землям Речи Посполитой связывалось с реакцией на польское восстание 1830 – 1831 гг. Правда, не все действия властей получили положительную оценку. Лидеры «Белорусского общества» негативно относились к передаче конфискованных у повстанцев земель, населенных белорусскими крестьянами, в руки других помещиков. «Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле и работали на ней», – сокрушалась редакция «Белорусской жизни» по поводу «расхищения» национального достояния белорусов [5, с. 1].

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю связывался с отменой крепостного права и подавлением восстания 1863 – 1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Л.М. Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями. В то же время, Солоневич справедливо полагал, что позиция Калиновского была исключительным явлением, не характерным в целом для шляхетского лагеря. В частности он писал: «Мечтания красных о наделении крестьян землею и общем равнении было исключением и не разделялось большинством польского дворянства, которое держалось своих взглядов на крестьян» [2, с. 72]. В целом действия правительства после восстания на территории Беларуси оценивались «Белорусским обществом» как положительные, и, прежде всего, за борьбу с полонизацией.

Характеризуя состояние белорусского народа во второй половине XIX в., авторы статьи «К белорусской интеллигенции» констатировали, что после польского владычества и гнета у белорусов уже не было «ни своих образованных классов общества, ни своего литературного языка, ни своей науки, ни своей культуры», из социальных групп остались лишь «поп да хлоп». Только при помощи народных училищ, учительских семинарий и институтов вновь начала формироваться национальная интеллигенция [5, с. 1]. Свою задачу редакторы «Белорусской жизни» как раз и видели в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения народных масс.

«Белорусское общество» утверждало единство белорусов православных и католиков: «Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям – православному и католическому – представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача общества должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...» [7, с. 3]. Поставленную задачу предполагалось решать на основе уважения к свободе совести всех белорусов, вне зависимости от конфессии.

В сознание народных масс «Белорусское общество» пыталась внести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко на страницах «Белорусской жизни»

критиковалось мнение, связывавшее католицизм с принадлежностью к польской нации. «Белорусское население могло допускать отождествление католицизма и польщизны только по своему неведению, и только по этой причине оно могло полонизироваться при помощи костела», – писалось в одной из передовых статей [8, с. 1].

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью русского народа: без единения с великороссами в рамках Российского государства, их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между великороссами и белорусами, по мнению Л.М. Солоневича, П.В. Коронкевича и их сторонников, были различиями внутри одной нации. Поэтому лидеры «Белорусского общества» для выражения своих воззрений прибегали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех «племен» – белорусского, великорусского и украинского, – которые должны были войти в единый союз на основе «гражданской свободы». В частности, Л.М. Солоневич писал: «...белорусское племя в огромной своей массе – это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великороссами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, не смотря на некоторую незначительную разницу в этнографических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и, несомненно, пойдет вперед одним и тем же историческим путем» [9, с. 2].

В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Авторы статьи «К белорусской интеллигенции» риторически вопрошали: «...будем ли мы белорусы на разных славянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени или же от нашего имени будут долго еще говорить великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы вроде священника Вераксина и ксендза Мацевича или же польские магнаты, вроде Монтвилла и Потоцкого» (*все перечисленные – депутаты III Государственной думы. – Д.Л.*) [5, с. 1].

Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка. Данное положение обосновывалось следующим образом: «Так как белорусская интеллигенция как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной общечеловеческой цивилизации, «Общество» считает, что наиболее соответствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский...» [7, с. 3]. Таким образом, место белорусского языка по праву должен был занять русский язык, как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в.

Большинство православных белорусов, по мнению редакции «Белорусской жизни», бесповоротно признало превосходство русского языка. Белорусы же католики в этом отношении находились на полудороге [10, с. 1]. Для их полного воссоединения с русской нацией необходимо было провести располячивание католической церкви в Беларуси. «Нет сомнения, что располячивание белорусского костела совершится не без затруднений и не без препятствий, т. к. поляки не откажутся от упорного сопротивления», – полагали руководители «Белорусского общества» [8, с. 1]. Однако они считали, что римская курия, ради сохранения своей паствы, не будет противиться этому процессу. По мысли издателей «Белорусской жизни», опасность представлял не католицизм сам по себе, а польскоязычная церковная иерархия, отождествлявшая его с «польщизной».

Наиболее легкий способ располячивания костела «Белорусское общество» видело в замене лиц, занимавших высшие посты в местной католической иерархии, неполяками. «Пусть на местах епископов в нашем крае будут французы, немцы, испанцы, итальянцы, литовцы, одним словом лица какой угодно национальности, но ни в коем случае не поляки», – писала «Белорусская жизнь» [11, с. 1]. Для ослабления польского влияния она допускала введение в католическое богослужение белорусского языка. В одной из редакторских статей отмечалось: «...допущение в белорусских костелах проповедей и дополнительного богослужения на белорусском наречии решительно ничем русской нации не грозит» [12, с. 1]. Напротив, в этом руководители «Белорусского общества» усматривали наиболее быстрый путь подрыва польского влияния на белорусов-католиков. Поскольку из белорусского «наречия» особый язык никоим образом выработаться не может, то и бояться его, как основы для сепаратизма белорусов, доказывали Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич, не было никаких оснований.

В ряде статей в «Белорусской жизни» давалась характеристика социальной структуры белорусского народа. «Национальные силы нашего края слагаются из следующих элементов: духовенства, простолюдин, помещичьего класса частью дворянского, частью недворянского, чиновничества и интеллигенции, стоящей вне этих групп», – писалось в передовой статье в апреле 1911 г. [13, с. 1]. Там же констатирувалось полное отсутствие у белорусов торгово-промышленного класса. Это объяснялось с одной стороны преобладанием в городах еврейского населения, сосредоточившего в своих руках торговлю и промыслы, а с другой – сильной миграцией из белорусской деревни в крупные города центральной России. «Все, что в Белоруссии вышло из лаптей и обулось в сапоги вынуждено было уходить из деревни и искать себе места в городах. А как наши города слишком плотно заняты евреями, то в силу необходимости пришлось искать таких мест, где теснота давила меньше, где можно было устроиться легче», – утверждала редакция «Белорусской жизни» [14, с. 1].

Рассуждая, какой социальной группе должна принадлежать руководящая роль в белорусском движении, Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич весьма скептически смотрели на помещиков. «Русский помещичий класс в нашем крае – это еще явление довольно новое, неоформившееся, неокрепшее и далеко не самоопределившееся», – полагали они [13, с. 1]. Редакторы газеты утверждали, что насадить в Северо-Западном крае крупное русское землевладение, несмотря на старания властей, не удалось, и даже те помещики, которые приобрели имения, как

правило, предпочитают государственную службу, перепоручая управление своим хозяйством посторонним лицам, часто полякам. Мелкое же землевладение, по мнению идеологов «Белорусского общества», формировалось исключительно из крестьянской массы, которая в силу своего низкого культурного уровня, не могла претендовать на доминирование в национальном движении [14, с. 1]. В то же время, Солоневич и Коронкевич считали, что из-за неразвитости русского помещичьего землевладения: «... у белорусского крестьянина нет классовой вражды и, естественно, что с его стороны не будет препятствий для объединения всех русских сил края на национальной почве» [15, с. 1].

Связующим звеном между различными социальными группами, по мнению «Белорусского общества», могла в будущем стать интеллигенция. Правда, ее настоящее положение оценивалось критически. «Более культурные интеллигентные слои белорусского населения по-прежнему остаются отрезанными от земли и впереди мы не видим никаких мероприятий (*со стороны правительства. – Д.Л.*) к тому, чтобы их удержать в деревне, прикрепить к земле, заинтересовать их местной жизнью», – писала «Белорусская жизнь». Пока интеллигенция отрезана от народа, в Беларуси, по мнению редакции, как и сто лет тому назад, оставались «хлоп да поп» [14, с. 1].

Для сближения интеллигенции с народом «Белорусское общество» поддерживало мероприятия по сбору фольклорных произведений, попытки создания литературы на белорусском языке. Последний рассматривался Л.М. Солоневичем, П.В. Коронкевичем и их сторонниками как диалект общего для всех восточных славян русского языка. В «Белорусской жизни» прямо заявлялось: «Нет основания признавать наш говор самостоятельным языком, как не признаются самостоятельными говоры новгородские, поволжские...». Для общественной жизни белорусский язык из-за его архаичности признавался не пригодным. В то же время лидеры «Белорусского общества» настаивали на изучении простонародной речи. «Сохранить наш говор для истории – значит собрать наши песни, сказания, поговорки и загадки, очистить их от полонизмов и других барбаризмов и издать отдельными сборниками», – писала «Белорусская жизнь» [16, с. 1]. В соответствии со своими идеями «Белорусское общество» требовало предоставления Беларуси административно-хозяйственной автономии, а не национальной.

Большое внимание его идеологи уделяли польскому вопросу в Беларуси. Они осуждали русских помещиков установивших дружественные связи с поляками. «Говоря о полонизации местного русского дворянства, мы имеем в виду не ту полонизацию, которая идет через костел и ксендзов и действует на темные массы, а ту полонизацию, которая идет через салоны польских магнатов, через знакомства и родственные связи с польскими семьями и т. п.», – пояснялось со страниц «Белорусской жизни» [15, с. 1]. Русские помещики призывались к отказу от использования польских слуг, к сближению с белорусским крестьянством. Л.М. Солоневич резко осуждал российских либералов, пытавшихся заигрывать с польскими «краевцами», считая «демократизм» последних наигранным. Он считал, что только ненависть к России приводит польских помещиков Северо-Западного края в оппозиционный лагерь. Если бы полякам удалось сформировать свое правительство, то тогда, по мнению Солоневича, «в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса» [9, с. 3]. Таким образом, польские помещики и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. В программе «Белорусского общества» прямо было отмечено, что «национальная борьба в Беларуси является в то же время и борьбой классовой» [7, с. 3]. В итоге улучшение положения народных масс связывалось с радикальным решением польского вопроса.

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, «Белорусское общество» в то же самое время признавало национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Л.М. Солоневич считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ в праве ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем» [9, с. 2].

Подводя итоги, можно отметить, что разделяя общие положения идеологии западноруссизма члены «Белорусского общества», однако, считали, что у белорусов была своя история, есть особые интересы в настоящем, которые они должны защищать сами. Деятельность общества была направлена на повышение уровня благосостояния, образования и культуры белорусского населения, которое рассматривалось в основном как чисто крестьянское. Объективно борьба с польскими и крайне правыми русскими партиями, подчеркивание единства православных белорусов и белорусов-католиков, акцентирование внимания на местных интересах и проблемах способствовали созданию предпосылок для повышения национального самосознания белорусского народа. Как общественная структура «Белорусское общество» продолжало действовать до середины 1915 г., когда Вильно был занят германскими войсками.

Источники и литература

1. Устав Белорусского общества. – Вильно: Тип. «Артель Печатного Дела», 1909. – 16 с.
2. Солоневич, Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902 / Л.М. Солоневич. – Гродно, 1901.
3. Формулярный список Солоневича Лукьяна канцелярского служителя губернского правления за 1886 – 1907 гг. // НИАБ в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 37. – Д. 1455.
4. Вильна, 1 января // Белорусская жизнь. – 1911. – 1 января. – С. 1 – 2.
5. К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 1 – 2.
6. Солоневич, Л. Новая роль польской женщины в Беларуси и Литве / Л. Солоневич. – б/м, 1910.
7. Платформа «Белорусского О-ва» // «Белорусская жизнь». – 1909. – 9 февраля. – С. 3.
8. Вильна, 11 февраля // Белорусская жизнь. – 1911. – 11 февраля. – С. 1.

9. Солоневич, Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе / Л. Солоневич // Белорусская жизнь. – 1909. – 9 февраля. – С. 2 – 3.
10. Остринец, П. Сюрприз «Минского слова» полякам / П. Остринец // Белорусская жизнь. – 1911. – 21 апреля. – С. 1.
11. Вильна, 18 июня // Белорусская жизнь. – 1911. – 18 июня. – С. 1.
12. Вильна, 3 июня // Белорусская жизнь. – 1911. – 3 июня. – С. 1.
13. Вильна, 24 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 24 апреля. – С. 1.
14. Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. – 1911. – 5 апреля. – С. 1.
15. Вильна, 17 марта // Белорусская жизнь. – 1911. – 17 марта. – С. 1.
16. П. А. К вопросу о белорусском языке / П. А. // Белорусская жизнь. – 1911. – 1 января. – С. 1.

УДК 94(477) + (476) «1918»

Микола Щавлінський

СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНА І НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА ДІЯЛЬНІСТЬ БІЛОРУСЬКИХ ОРГАНІЗАЦІЙ В ОДЕСІ В УМОВАХ АВСТРО-НІМЕЦЬКОЇ ОКУПАЦІЇ (1918 Р.)

У даній статті розкривається діяльність білоруських національних організацій в Одесі у 1918 р. Висвітлена підтримка і прихильність, які стрічали в своїй діяльності білоруські організації з боку державних органів України.

Ключові слова: Перша світова війна, Одеса, білоруські організації.

В статтє розкривається деятельность белорусских национальных организаций в Одессе в 1918 г. Освещена поддержка и симпатия, которую встречали в своей деятельности белорусские организации со стороны государственных органов Украины.

Ключові слова: Перша світова війна, Одеса, білоруські організації.

In article activity of the Belarus national organizations in Odessa in 1918. There is shown the support and sympathy provided state bodis of Ukraine to Belarusian organizations.

Keywords: The First World War, Odessa, Belarusian organizations.

Діяльність білоруських національних організацій в Одесі в умовах австро-німецької окупації 1918 р. відноситься до числа найменш вивчених проблем у сучасній історіографії як зарубіжної, так і вітчизняної історичної науки. Обумовлено це не тільки недостатністю розробки даної тематики, але й суперечливістю позицій, думок з даної проблеми. Між тим дослідження громадсько-політичної і національно-культурної діяльності білоруських організацій в Одесі дозволяє нам виявити їх роль у консолідації білорусів в умовах Першої світової війни, які проживали в Одесі і на території Одеського округу, забезпеченні їх зв'язку з батьківщиною. Крім того, актуальність дослідження обумовлюється сучасним сусідством двох країн, проживанням великої кількості білорусів на території України і українців у Білорусі, міждержавними відносинами, які сприяють збереженню традиційних і налагодження нових відносин у духовній, культурній, економічній та інших сферах.

Історія створення білоруських організацій в Одесі нерозривно пов'язана з історією розвитку білоруського національного руху у післяжовтневий період у військах, який найбільш яскраво проявився на Руминському фронті, зона дії якого охоплювала південну частину України, в тому числі і місто Одесу.

Національна робота серед солдатів-білорусів у військових частинах Руминського фронту почала проводитись після того, як в період з 1-го по 7-е грудня в Одесі відбувся з'їзд воїнів-білорусів цього фронту, на якому на чолі з С. Некрашевичем [1, с. 35] була обрана Білоруська військова рада [2, лл. 66-73]. Окрім голови, до складу Ради входили: А. Балицький, Р. Козелл, П. Ільющенко, А. Адамович та ін. [2].

Перед обраною Радою були поставлені завдання розвитку набиравшого силу білоруського руху у військах, формування білоруських військових підрозділів [3, л. 1].

З метою організації білоруських військових частин на Руминському фронті 9 січня 1918р. була створена Білоруська військова комісія на чолі з головою генерал-майором Пожарським [4, л. 163].

З самого початку своєї діяльності Рада і Білоруська військова комісія Руминського фронту досить успішно проводили роботу у військових частинах: до солдатів посилалися агітатори, інтенсивно проходила робота по комплектуванню білоруських рот і полків. В результаті проведеної роботи були оголошені білоруськими: 14 січня 1918р. 6-й Таурогенський прикордонний кінний полк; 21 січня – 4-й армійський корпус у складі 30-ї та 40-ї піхотних дивізій з їх артилерією, штаб корпусу і всі додані корпусу допоміжні частини та установи, 43-я піхотна дивізія з її артилерією і доданими установами і 26-е бронетанкове відділення; 23 січня – 357-я Вітебська і 401-я Мінська дружини державного ополчення [4, л. 164-166]. Для поповнення цих частин і зосередження солдатів в місті Одесі наказом по Одеській військовій окрузі №42 від 27 січня 1918р. на вулиці Дальницькій був заснований Білоруський етапно-концентраційний пункт [3, л. 21].

Одночасно з білоруськими військовими організаціями широку діяльність в Одесі розвернуло створене в грудні 1917 року товариство «Білоруський гай», яке поставило перед собою завдання проводити культурно - просвітницьку та агітаційну роботу, піклуватися про біженців та найбідніших верствах білоруського населення в Одесі.